Б.Х. МАЛЬБАХОВ
Доктор искусствоведения, профессор кафедры «Культурология» Северо-Кавказского государственного института искусств
e-mail: malboroadigo@mail.ru

А.С. ХАЧИЕВА
Доцент кафедры декоративно-прикладного искусситва и дизайна Кабардино-Балкарского университета

B.H. MALBAKHOV
Doctor of arts, professor of the department of Culturology on the Northern-Caucassian State University of Arts
e-mail: malboroadigo@mail.ru

A.S. HACHIEVA
Assistant professor of tyhe department of Decorative Art and Design of the Kabardino-Balkar University
e-mail: malboroadigo@mail.ru

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КАБАРДИНЦЕВ

THE ROLE OF ARTISTIC TREATMENT OF WOOD IN THE MATERIAL CULTURE OF THE KABARDIANS

Данная статья является отображением специфики резьбы по дереву в предметах быта кабардинцев. Рассматриваются породы деревьев. Особое место занимают художественно-ремесленные приемы, стилистика и формообразование.

This article is reflection of the specifics of wood in objects of Kabardians everyday life. We consider the species of trees. A special place is occupied by artistic and craft, stylistics and form-building.

Ключевые слова: конструкция, контраст, традиция, резьба, форма, посуда, обряд.
Keyword: constructio, contraste, tradition, carving, shape, dishes, rite.

Художественная обработка дерева, один из древнейших видов традиционных ремесел, была сосредоточена в лесостепной зоне Кабарды, где произрастают карагач, орех, клен, ясень, бук, ольха, береза и другие породы деревьев. Создавали изделия из дерева не только мастера, специализировавшиеся в этом занятии, но и просто крестьяне, которые вырезали деревянную посуду и утварь для собственного хозяйства, реже — для друзей и соседей. Благодаря этому резьба по дереву являлась наиболее широко распространенным видом искусства, которым на протяжении многих поколений занимались десятки тысяч мужчин-кабардинцев. Столь массовое участие мастеров в изготовлении сравнительно небольшого круга традиционных предметов придало этому виду творчества истинно коллективный характер, привело к высокому совершенству формы и декор изделий, к исключительной отработанности ремесленно-художественных приемов.

В кабардинском искусстве, как и в искусстве других народов, изделия из дерева представлены, главным образом, памятниками XIX–XX вв. Однако в деревянной посуде и утвари этого периода проглядывают традиции, уходящие в глубокое прошлое, несущие следы языческого мировоззрения древних адыгов. В произведениях кабардинского фольклора, относимых исследователями к раннему средневековью, присутствуют сведения, свидетельствующие о некоторых пантеистических (пантеизм — философское воззрение, отождествляющее бога с природой, рассматривающее природу как воплощение бога) чертах этого мировоззрения. Адыги поклонялись богу и богине леса «мэзытхьэ» и «мэзгуащэ», относились с большим почтением к деревьям, считая их божественным даром и видя в них проявление высшей красоты и гармонии. В старинной народной песне говорится от лица дерева:

Без меня бы вы пропали,
День бы прожили едва ли [1].

В этой песне перечисляется более тридцати предметов кабардинского быта, изготовлявшихся из дерева, и в их числе — предметы, дошедшие до наших дней: чаши «фалъэ», «шынакъ» для питья бузы и различных напитков; блюдца «шыпсылъэ», в которых хозяйки подавали к столу подливы и приправы; ложки «бжэмышх»; половники, черпаки «хъуп», «къащыкъ»; вилки «гуахъуэ»; тарелки «тепщэч», «сыхьэн»; ме-

шалки-лопатки для пищи «бэлагъ»; ступки для чеснока «убалъэ»; чесалки для обработки шерсти «цыпх»; веретёна «цыкIуэкI»; сундуки «пхъуантэ»; рубели-утюги «ету»; музыкальные инструменты «шыкIэ пшынэ», «пхъэцIыч»; столики «Iэнэ»; стулья «шэнт»; а также другая мебель, сельскохозяйственные орудия. Украшая кабардинское жилище, эти вещи являлись истинными произведениями народного искусства, свидетельствовали о развитом эстетическом вкусе и высоких ремесленных навыках создателей.

Естественно, что не все деревянные изделия кабардинцев могут быть отнесены к произведениям народного декоративного искусства. Сельскохозяйственные орудия, брички и арбы, бондарные изделия, деревянные корыта и лохани, хотя и делались с учетом национального вкуса, хотя и отвечали критериям не только утилитарным, но и эстетическим, явно выраженных черт художественности не имели. Практические свойства, безусловно, превалировали в них, а сам характер действия с вещами, их трудовые и бытовые функции исключали или резко сужали возможности их художественного оформления.

Эстетические принципы кабардинского искусства ярко проявились в традиционном седельном производстве. Кабардинские седла под названием черкесских упоминаются в русских былинах. Путешественник Густав Гербер, посетивший Северный Кавказ в начале XVIII в., писал, что кабардинцы делают «самые лучшие седла и лошадиные уборы…» [6]. В создании кабардинского седла, отличавшегося от всех других видов седел, принимали участие мастера четырех специальностей: столяры изготавливали деревянную основу, шорники обивали ее кожей, ювелиры украшали серебряными накладками с гравировкой и чернью, а женщины-мастерицы — вышивкой и аппликацией по коже. Форма седла определялась, естественно, его деревянной основой, и именно она диктовала выразительность вещи: ленчик с высокими луками органически вписывался в облик статного всадника-джигита не только удобством, но и своей образностью соответствия верховой езде в труднодоступных горах Кавказа.

Не менее выразительна традиционная кабардинская арба «выгу» с высокими колесами, порой превышавшими рост запряженных в нее буйволов.

Более явно художественное начало проявлялось в таких изделиях из дерева, как посуда, утварь, мебель, архитектурная резьба, фи-

гурки животных для обрядовой игры «къэбэкъ». В свою очередь, эти изделия следует разделить на две большие группы: по времени их зарождения и по верности собственно кабардинским традициям. К первой группе, имеющей древнее происхождение, относятся посуда и утварь, а также обрядовая игрушка, ко второй — мебель и архитектурная резьба, появившиеся в кабардинском быту не ранее конца XVIII в.

Наиболее яркий вид традиционных кабардинских деревянных изделий — чаши для напитков. Имевшиеся в каждом доме, высокоценимые, являвшиеся свидетелями всех торжеств и значительных событий в жизни кабардинца, они по своему месту в кабардинском искусстве соответствуют русским ковшам и солоницам, якутским чоронам, башкирским ижау.

В той мере, в какой северные ковши — утица, ладья — выражали лирическую душу русского крестьянина, его единение с природой, возвышенность представлений и мечтаний, кабардинские чаши с их теплой, как бы рожденной держащими их руками формой, с ручками в виде бараньих голов, с несложным, но выразительным орнаментом, передают национальный характер кабардинца.

На иллюстрациях представлены чаши, которыми пользовались повседневно в простонародной среде. Их замкнутые благородные формы, явно древнего происхождения, предельно лаконичны. Столь характерный для кабардинского народного искусства прием контраста проявляется в сопоставлении большого объема чаши с маленькой ручкой, в которую продевается один палец. Внешняя поверхность чаши обрабатывалась двумя приемами: ее либо зашкуривали, придавая ей максимальную гладкость и предельно выявляя природный рисунок древесины, либо оставляли выраженные следы резца, благодаря чему вещь приобретала приятную на ощупь поверхность, ее удобнее было держать в руках.

Другая группа — это чаши, украшенные геометрической резьбой и имеющие более сложную форму ручки, приподнятые на конусообразном основании. Простейшая геометрическая резьба, выполнявшаяся, как правило, ножом, архаична. Она контрастирует с большим чистым полем вдоль кромки чаши и с его гладко выбранной внутренней поверхностью. Удивительна по завершенности формы тонкостенная чаша для бузы, верхняя кромка которой обладает плавным, певучим контуром, сходящимся к двум возвышениям — над ручкой и на противоположном крае сосуда. Твердость выбранной мастером древесины

позволила ему сделать стенки чаши столь тонкими, что они оставляют впечатление звонкости, характерной для металла и фарфора, но необычной для древесины. Тонкостенные чаши — нередкое явление в кабардинском обиходе.

Третья группа чаш содержит в своем декоре зооморфные мотивы. Наиболее характерный для них мотив — стилизованные турьи и бараньи головы, в виде которых решаются ручки чаш. В этом типе чаш обычно вырезались две симметричные, повторяющие друг друга ручки. Их изготовление требовало особого мастерства и было доступно лишь опытным ремесленникам, специализировавшимся в производстве деревянной посуды. Такие чаши стоили очень дорого. В начале XIX в. малая тонкостенная чаша из наплыва (нарост на стволе дерева) ценилась как одна овца или годовалый теленок, большая — как двухгодовалый теленок, за набор, включавший большую и малую чаши и половник, могли отдать даже быка [2]. Естественно, такое приобретение было под силу лишь зажиточному человеку. С чашами обращались весьма бережно, и они служили десятки лет.

Зато обычные чаши, упоминавшиеся нами выше, мог вырезать почти каждый житель лесостепной зоны. Особенно это занятие было распространено среди пастухов. Естественно, что делалась деревянная посуда по памяти, без каких бы то ни было образцов и рисунков. Ведь память эта была, без преувеличения, тысячелетней. Чаша, которую постоянно видели перед глазами, из которой пили и ели от рождения и до конца жизни, воспринималась в народе как неотъемлемый атрибут быта и бытия. Наряду с ежедневными, будничными, чаши исполняли и праздничные, ритуальные функции.

Большие деревянные чаши для бузы имелись в каждом доме. Ими пользовались во время торжеств и свадеб. Они, наравне с циновками, украшали нарядный угол кунацкой. Во время застолья тхамада брал чашу обеими руками, произносил тост, отпивал из нее и передавал рядом сидящему, который повторял эту торжественную процедуру. Так чаша из рук в руки шла по кругу, пока не заканчивалось ее содержимое. В кабардинском свадебном обряде имелся символический сюжет призыва к жениху вернуться домой, который, по обычаю, в этот момент находился вне дома. Старейший за столом звал жениха возвратиться под родительский кров, мол, ему все «прощается» и т.д., и вручал ему большую чашу с бузой. Жених, опустив голову, молча брал чашу обеими

руками и, не выпивая, передавал стоявшему рядом другу. Чашу уносили в компанию жениха и там распивали напиток. В другом старинном обряде — возвращения косарей — в призыве старшего за столом сохранились такие слова:

О косари, возвращайтесь
От валков длинных, вам опостылых,
К чаше с отверстием в ручке,
Что ждет вас [5].

Большие праздничные чаши, которыми пользовались в дни радости, резчики выполняли с особым мастерством. О том свидетельствует большая чаша середины XIX в. из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. На ее поверхности вырезаны двадцать две тамги — знак уважения к хозяину дома гостивших у него друзей. Родовой знак самого хозяина вырезан на ручке. Естественно, что такие чаши, а их, судя по рассказам старожилов, было немало, бережно хранились, передавались от поколения к поколению. Они говорили о хлебосольности дома — едва ли не высшей добродетели в моральном кодексе кабардинцев.

Анализ родовых знаков на вышеупомянутой чаше позволил выяснить, что принадлежала она семье Мисостовых из Урвани и что среди гостей дома было много представителей кабардинской знати. Характерно, что кажущееся случайным расположение знаков при более тщательном рассмотрении оказывается увязанным в относительно стройную орнаментальную систему. Это доказывает, что художественное начало, заложенное в знак тамги, всегда воспринималось кабардинцами.

По своему пластическому совершенству чаши нередко обладали истинно скульптурными качествами. Классическая определенность форм подчеркивалась обводкой краев чаши или смелым членением ее объема в тех случаях, когда этого требовало образное решение вещи. Образ дополнялся скульптурным мотивом ручек, ажурная резьба которых обогащала и делала особо изысканным силуэт чаши. Наряду с типично «горными» мотивами, о которых шла речь выше, встречаются чаши, перекликающиеся с обликом водоплавающей птицы. Однако, в отличие от подобных русских изделий, кабардинская «утица» лишь очень отдаленно напоминает свой природный прототип. Сохраняется традиционный

характер решения объема самой чаши, она не имеет столь характерной для русского северного ковша динамичности, устремленности вперед. Закон статики, строгой замкнутости формы сохраняет свою силу и в этих произведениях кабардинцев.

Если тонкостенные чаши с зооморфным мотивом сближают изделия кабардинских мастеров с похожими изделиями адыгейских, черкесских, балкарских и осетинских резчиков, то более массивная чаша для бузы, с украшенной резьбой поверхностью и ручкой в виде горного козла, свидетельствует о возможных связях с аварскими. Интересно, что фигурка козла, решенная весьма обобщенно, кажется, по сравнению с мотивами бараньих и турьих голов в предыдущих произведениях, более натуралистической, подсмотренной в природе. Простейший геометрический мотив елочек и параллельных линий, украшающий стенку сосуда, подчеркивает его тяжеловесность, вступая в контраст с гладко выбранной внутренней стенкой. Это удивительное свойство объема, когда внешняя оболочка и внутренняя поверхность чаши смотрятся одновременно, требовало от мастеров особой смелости, безукоризненного пластического чутья и безупречной техники. Такие качества могли сложиться и развиться лишь благодаря наличию глубоких художественно-ремесленных традиций, образовавших четкую и строго обязательную систему работы над вещью.

Для создания бытовых предметов использовались, главным образом, твердые породы древесины, причем чаши вырезались, как правило, из наплывов, придававших им особую прочность. Работать с наплывом было нелегко, зато вырезанное из него изделие не только отличалось своими утилитарными свойствами, но и обладало богатой текстурой. Первоначальные операции выполнялись топором и пилой, затем в ход шли нож, резец с изогнутым лезвием «тхъусэ» для выборки внутренних сферических поверхностей и полукруглое долото «жэгуэт», «бдзы». Нехитрый инструмент кабардинского резчика изготавливали местные кузнецы.

Готовое изделие в течение нескольких часов вываривалось в воде с золой, что в дальнейшем предохраняло его от растрескивания. Пропитка зачищенной, а когда надо, и зашкуренной поверхности вещи топленым маслом или салом также была направлена на придание ей твердости, одновременно она выявляла и природную красоту древесины. Благородный темно-красный оттенок придавался посуде варкой ее

в воде с корой вишни. Такой обработке подвергались и другие изделия, использовавшиеся при приеме пищи.

Особую группу изделий такого рода составляют походные чаши (одна или две) с ложкой, а иногда и с вилкой, вырезавшиеся мастерами из единого бруска дерева и служившие, главным образом, в обиходе чабанов. Естественно, что изготовление таких наборов требовало от резчика не только высокого мастерства, чисто технического, «ремесленного», но и художественного вкуса, чувства пропорциональности отдельных элементов, их ансамблевости. Искусное умение резчика проявлялось и при создании обрядового подарка невесте — набора ложек, скрепленных кольцом. Этот подарок был равнозначен доброму напутствию молодой семье — пожеланию благополучия, достатка, зажиточности. Традиция дарения ложек как предметов особого символического значения распространена у многих народов как на Северном Кавказе, так и далеко за его пределами.

Формы деревянных ложек, использовавшихся в кабардинском быту в конце XIX — начале XX в., были разнообразны. Наряду с традиционной ложкой, обладавшей глубокой лопастью, напоминавшей по форме чашу для напитка, и длинным черенком, часто встречаются ложки более привычного типа, вероятно, позаимствованные у русского населения. Даже при самом беглом сопоставлении видны принципиальные различия в национальных художественных приемах, в традициях народного декоративного искусства. Лопасть русской ложки находится в одной плоскости с черенком, как бы вырастает из него. Постепенное расширение черенка к лопасти делает переход от линейного элемента к объемному плавным, тому же служит объемность самого черенка, его округлость. Традиционная кабардинская ложка ярко проявляет принцип контрастности. Плоский и вытянутый черенок не образует с объемной и глубокой лопастью видимого единства. Уходя под лопасть, он как бы держит ее, не нарушая ее автономности. То же свойство характерно для традиционных черпаков. Все эти вещи отличаются выразительным силуэтом.

Лучшие мастера деревянной посуды пользовались заслуженной славой у своих современников. В памяти старожилов сохранились имена Гетажеева и Умова из Старого Лескена, Жабалиева и Битокова из Аушигера, Кумышева и Багова из Каменномостского, Апшацева и Ханичева из Псыгансу, Барагунова из Кенже и многих других. Ложки резчика по дереву Шадова из Псыхурея были отмечены похвальным листом на

выставке в Прохладной в 1900 г. Известны и целые династии мастеров. Это Мазкошевы из Старого Черека, Афашаговы из Кызбуруна I, Батовы из Кенже и другие. Деревянная посуда создавалась почти во всех селениях лесостепной зоны Кабарды, но наибольшее распространение получила она в селениях Псыгансу, Урвань, Старый Урух, Старый Лескен, Жемтала, Аушигер, Кенже.

Наряду с упомянутыми выше изделиями, мастера изготавливали из дерева ступки, блюда, подносы, фляги и другие предметы быта. К числу редких вещей относится походная шкатулка середины XIX в., обнаруженная в 1955 г. экспедицией Кабардинского научно-исследовательского института в Аушигере. Это — одно из немногих известных нам изделий из дерева, украшенных орнаментом явно адыгского происхождения. Характерно, что выполненный в технике контурной резьбы узор, подкрашенный в черный цвет, удивительно напоминает черневой узор на серебряных изделиях этого периода. Надо полагать, что в этом случае мы имеем пример воздействия одного вида народного декоративного искусства на другой.

Простейшая геометрическая резьба использовалась для украшения поверхностей рубелей, вертушек, чесалок для обработки шерсти, а также традиционных музыкальных инструментов. В целом для художественной обработки дерева кабардинцев не характерно многообразие видов резьбы. Наиболее употребимы геометрическая резьба для нанесения узора на поверхности предметов и объемная резьба, с помощью которой создавались скульптурные элементы декора ручек сосудов. Совершенно отсутствуют скобчатая, плоскорельефная и контррельефная разновидности техники исполнения изделий, редко встречаются предметы, украшенные трехгранно-выемчатой и контурной резьбой. Пропильная резьба используется, главным образом, в архитектурном декоре.

Не знали кабардинцы и росписи по дереву, если не считать весьма поздних, выкрашенных масляной краской сундуков конца XIX — начала XX в., завезенных в наш край представителями других народов. Скупость художественных средств, отказ от богатства декора — характерные особенности кабардинского народного искусства, нисколько не обеднявшие его, доводившие используемые приемы до высокого совершенства. А.Пиралов справедливо отмечал, что «при всей несложности и грубости орудий производства некоторые местные изделия отличаются совершенством работы, красотою» [3].

Особую группу традиционных деревянных изделий кабардинцев составляют обрядовые игрушки для игры в «къэбэкъ». Фигурки животных, птиц, всадников устанавливались на крестовидной перекладине, которая поднималась на высоком шесте. Они служили мишенью для состязания юношей во время весеннего праздника возвращения пахарей. Это был один из наиболее веселых праздников адыгского обрядового календаря. Наряду с состязаниями в джигитовке, стрельбе из лука, а впоследствии из ружья, в нем присутствовало театральное действие «ажыгъафэ», в котором принимали участие ряженые в войлочных масках с палками, нагайками, деревянным оружием. Их шутки нередко носили сатирический социальный характер.

Деревянные фигурки для игры в «къэбэкъ» несут ярко выраженные черты примитива. С одной стороны, это объясняется их специфической функцией: грубые, упрощенные формы лучше воспринимались с большого расстояния и больше соответствовали роли мишени, в которой они выступали. С другой стороны, это свидетельствует об их давнем происхождении. Ислам категорически запрещал многим народам, в том числе и кабардинцам, создавать изображения животных и тем более людей. Так что игра в «къэбэкъ», как и весь этот веселый весенний праздник, восходит к языческому периоду в адыгской истории. В связи с этим обретает смысл и само состязание: удачливость в стрельбе по фигурным мишеням обещала впоследствии удачу на охоте, в борьбе с врагами и т.д.

По степени обобщенности и, в то же время, по точности передачи образа животного кабардинские деревянные фигурки напоминают игрушки русского севера — изображения коней, птиц, кукол-панок. Это типичные плотницкие игрушки, в которых сразу читается основной блок, как правило, горизонтальный (лишь для изображения всадника — вертикальный), грубо сработанный топором и ножом из чурки и столь же откровенно дополненный вставными ногами-колышками, рогами-ветками, хвостом из волос. Столь отличающиеся от тонко выработанных, совершенных по форме и чистоте исполнения бытовых изделий, фигурки «къэбэкъ» обладают, тем не менее, яркой образностью народного примитива, представляют собой оригинальное явление в кабардинском народном искусстве.

Последняя группа предметов, на которой мы остановимся, — народная мебель, получившая распространение в Кабарде с конца XVIII в. Первая мебель, известная кабардинцам, — это сундуки, столики и

стульчики простейших форм. Отсутствие обычной теперь для нас мебели диктовалось особенностями кабардинского быта. Некогда адыгские дома имели форму круглого шалаша с конусообразной или круглой крышей. Этот тип жилищ сохранялся, вероятно, достаточно долго, хозяйственные постройки такого вида дожили до наших дней. Вплоть до середины XIX в. кабардинские дома были плетеными на деревянном каркасе, стены и земляные полы обмазывались глиной, незастекленное оконце закрывалось ставней или затыкалось пучком сена. Огонь очага разводился прямо на полу под широким дымарем — также плетеной конусообразной трубой. Характерно, что такой тип домов служил не только крестьянам, но и феодалам, жилища которых отличались только большими размерами. Естественно, что такой интерьер трудно сочетался с европейским типом мебели.

Только с началом строительства в Кабарде домов русского типа (в 1869 г. в округе их было всего одиннадцать) [4] стала распространяться и европейская мебель — деревянные столы, табуретки, кровати, детские люльки, шкафы. Естественно, что эта мебель создавалась на основе сторонних прототипов. Однако стремление населения к улучшению бытовых условий было столь велико, что изготовление мебели быстро разрослось и привлекло многих мастеров. На облике их изделий, естественно, сказались местные художественные традиции. Люлька-кровать «гущэ» обрела ручки в виде зооморфных мотивов, известных древнему адыгскому орнаменту. Определенность силуэта, построенного на контрасте вертикальных и горизонтальных деталей, характеризует столик «Іэнэ» на трех ножках, имевшийся в обиходе каждой кабардинской семьи. Вскоре сложилась и песня, говорившая: «Для гостей я — стол треногий, где богатый, где убогий» [5].

Мастера-мебельщики к концу XIX в. составляли большой, хорошо оплачиваемый отряд среди кабардинских ремесленников. Некоторые из них отличались хорошим вкусом и неистощимой выдумкой. Так, столяр Ц.Иуанов из Псыгансу делал столики с вырезанными в их поверхности чашами для еды, сохраняя традиционный силуэт последних. Однако в основном, мебель, появившаяся в результате коренных перемен в кабардинском быту, уже не имела того национального своеобразия, каким отличаются традиционные деревянные изделия кабардинцев. То же следует сказать и об архитектурной резьбе, которая, хотя и содержала отдельные элементы адыгского орнамента, так и не смогла

превратиться в полноценную разновидность национального декоративного искусства.

Традиционные виды художественной обработки дерева оказались устойчивыми. Сегодня в кабардинских селениях еще есть мастера, владеющие старинными художественно-ремесленными приемами. Растет и спрос на изделия национального искусства. На сочетании этих факторов и должна определяться направленность работы по развитию художественных промыслов деревообработки в Кабардино-Балкарии.

Примечания:

1. Песни маленьких горцев. М., 1961. С. 7–10.

2. Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX — начале XX века. Нальчик, 1962. С. 44.

3. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913. С. 7–10.

4. Студенецкая Е.Н. О большой семье у кабардинцев // Советская этнография. 1950. № 2. С. 160.

5. Кабардинский фольклор. Нальчик, 1964. С. 58.

6. Гербер Густав. Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. Нальчик, 1974.

Библиография:

1. Гербер Густав. Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. Нальчик, 1974.

2. Кабардинский фольклор. Нальчик, 1964.

3. Мальбахов Б.Х. Кабардинское народное декоративное искусство. Нальчик, 1984.

4. Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX — начале XX века. Нальчик, 1962.

5. Песни маленьких горцев. М., 1961.

6. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913.

7. Студенецкая Е.Н. Быт и культура кабардинского народа (XVIII–XIX вв. // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954. Вып. 3.

8. Студенецкая Е.Н. О большой семье у кабардинцев // Советская этнография. 1950. № 2.